

Жила-была буква Щ. Её домик находился на тридевятой окраине столицы Словесного государства – города Алфавита. Соседей она видела очень редко, зато в окошке постоянно мелькали знаменитости. А, Е, И, О носились каждый день то на отечественных, то на дорогих иностранных словах и вызывали у Щ чувство обиды.

«Как хорошо быть гласной! Красивой, желанной, – вздыхала она. – Верты раскрывают, выкрикивают, глазеют, наперебой приглашают в самые разные слова...»

Щ, конечно, немного лукавила: было немало желающих и упрашивающих, радеющих и даже радующихся её согласию. А вообще и еЩё просто проходу не давали своими приглашениями в нескончаемые доклады, диссертации, отчёты... Разумеется, и в художественную литературу, и в менее художественную...

«Не гневи судьбу, завидующая, – с презрением ворчал Твёрдый Знак. – Востребована от А до Я и не ценишь своего богатства».

Но этим он только сильнее расстраивал Щ:

«Ну да, чтобы оттенять их красоту. Разве можно сравнить «трепетную лань» с «трепещущей»? До чего ж я большущая, страшнущая и скрежещущая! А ведь когда-то предоставлялся такой шанс! Молодой была, глупой. Мне «Счастье» предлагали, а я даже не заметила – требовала всевозможных «ощущений» и непременно «Сейчас». Но С и Ч всё прочитали, договорились между собой и вдвоём оттеснили меня. А после, из жалости, подарили «Щедкость». Или с ехидным намёком – кто их разберёт?»

Как-то раз Щ куда-то забрали, а потом бросили в мешок вместе со всеми остальными буквами. Было душно и тесно. Мешок время от времени сильно трясло, и несчастные буквы бились и тёрлись друг об друга. В эти моменты они поднимали страшный шум, а когда затихали, часть из них исчезала.

Вдруг Щ показалось, что её зовёт какой-то ребёнок, и она целиком обратилась в слух.

– Дорогая Щ, – шептал мальчик лет десяти, – ты мне очень нужна. Мы с дедушкой сейчас играем в «Эрудит». Это такая игра, в которой перемешиваешь буквы в мешочке, а потом берёшь, не глядя, и ставишь на доску слова крест-накрест. За разные буквы дают разные очки, а если попадаёшь в цветные клетки, то эти очки умножаются. Ты – одна из самых ценных, и, если я смогу тебя вытянуть, то обязательно выиграю. Я пока что ни разу не выигрывал у дедушки. Он знает кучу слов, потому что много читал и многое повидал в жизни. Но я тоже хочу выиграть. Помоги мне, пожалуйста.

Щ не на шутку разволновалась.

– Я тоже хочу, чтобы ты выиграл! – закричала она и стала изо всех сил расталкивать другие буквы, пытаясь пробраться поближе к верху.

Но те хотели вырваться из мешка ничуть не меньше. Правда, им было всё равно, кто их вызволит – лишь бы поскорее.

– И я хочу наверх! – завизжала рядом Ш. – Куда прёшь, бессовестная? Я тоже – единственная и ценная! Аккурат десять очков – ничем не хуже тебя!

Щ стало как-то неловко, в ней сразу с укором заговорила «Щепетильность», а Ш, почувяв это, мигом пустила слезу.

– Бог с тобой, – вздохнула Щ, – хочешь – иди. Перебегать дорогу не стану.

А про себя подумала: «Только бы эта нахалка не разревелась – краска потечёт, и превратится она в Щ. Возьмёт её славный мальчуган и выиграет. Не в победе ведь дело – он её любить будет, а я опять счастье провороню».

В этот самый момент Ш схватил дедушка. Он с удовольствием выставил «шар» и получил аж двадцать шесть очков за две буквы. Так вышло, потому что у него была А, и он поставил её на синюю клетку, которая удваивает очки за всё слово. Повезло глупой и вздорной Ш. Не то чтобы очень крупно и без особых заслуг с её стороны, но результат был весомым. Да и кто через пару ходов припомнит подробности?

Внук боролся изо всех сил, но разрыв с каждым ходом неумолимо рос.

– Миленькая Щ, – вполголоса не теряя надежды он, – я так мечтаю тебя заполучить...

Желанная буква слышала его и отчаянно хотела попасть в нежные пальчики после каждого встряхивания мешочка. Но все буквы были одинаково гладкими, скользкими, и, расталкивая друг друга, зачастую срывались во тьму, когда казалось, что они уже надёжно сидят в руке игрока.

Щ была противна мелочная возня товарок. Особенно раздражали гласные-близняшки, пытавшиеся прорваться скопом. Она слышала, как сверху доносились досадные возгласы игроков, вытаскивавших по несколько Е или И кряду. Щ сидела в самой глубине, изо всех сил пытаясь внушить мальчику своё местонахождение. Она была настолько уверена в разумности этого метода, что почти не удивилась, когда вдруг оказалась в ладошке ребёнка. На самом же деле с каждым ходом темница пустела, и шанс вытащить любую из оставшихся резко увеличивался. Однако игра подходила к концу. На руках игроков оставались, конечно, буквы, да и прикуп не до конца опустел, но выставить новые слова было уже почти невозможно. А дедушка вёл с ужасающим отрывом в шестьдесят очков. И тут внук с победоносным видом поставил свою спасительницу на жёлтую клетку! А, значит, цена такой буквы утраивалась! Мало того, она примыкала к пересечению давным давно выставленных «крик» и «блик». Получились «щи» вправо и вниз! Шестьдесят два очка одной буквой!

– Я так хотел Щ, я так её ждал! – горячо восторгался мальчишка. – Это самая лучшая, самая замечательная буква на свете!

Щ нежилась в своей золотой клетке и с любовью глядела на ребёнка. Ей стало так тепло, так уютно, так радостно... Почти, как дедушке.